

ЕКАТЕРИНА НИКИТИЧНА МАТЮШКИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Ekaterina-matyush@yandex.ru

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ» ПОЭТА: РОМАН Б. ОКУДЖАВЫ «СВИДАНИЕ С БОНАПАРТОМ»

Рассматривается произведение Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» как пример исторической «прозы поэта», которая характеризуется наличием в романном тексте метризованных, рифмованных фрагментов, то есть внедрением стихового начала, а также яркой субъективностью и эмоциональностью повествования. Историческую «прозу поэта» Б. Окуджавы отличает лирическая стилизация, которая определяется не только присутствием мотивов стихотворений и песен самого автора, внутритекстуальных включений, но и наличием лирического субъекта – носителя основных мировоззренческих концепций. Дневники героев-рассказчиков являются внутренним монологом, исповедью, где представлены ключевые темы творчества писателя. Для Б. Окуджавы важен не сам исторический факт, а то, как он отражается в сознании отдельного человека. Прошлое в романе неизменно проецируется на современную писателю реальность, то есть возникает созвучие удаленных эпох. Форма дневника дает возможность обратиться к теме «глотка свободы», к раскрытию которой в своем последнем историческом романе «Свидание с Бонапартом» писатель подходит иначе, чем ранее. Автором статьи выдвигается предположение, что в контексте анализа данного произведения уместнее говорить о цене свободы в судьбе случайного свидетеля поворотных событий в истории России.

Ключевые слова: Б. Окуджава, исторический роман, «проза поэта», лиризм, лирический субъект

Свои исторические романы Б. Окуджава называл «историческими фантазиями», именно в них отразился его особенный стиль, узнаваемый совершенно неповторимой иронией, сложным сочетанием документальности повествования с глубоким чувственным переживанием прошлого. Исследователи и критики пытаются дать разные жанровые определения, называя прозу автора то «историческим романсом» [6: 164], то произведением «притчеобразного типа» [8: 33]. По точному замечанию известного литературоведа Г. Белой, «на глазах читателя» рождается «поэтически новый образ мира», на одном из полюсов которого – «факты реальности», «на другом <...> попытка понять их высший, сокрытый в течение обычной жизни смысл» [1: 12–13]. Для Б. Окуджавы как для поэта, обратившегося к прозе, остро чувствующего драматизм своего времени, свойственно лирическое мироощущение, всегда личностное осмысление исторических событий.

В современном литературоведении «проза поэта» рассматривается как особое жанровое образование, находящееся в тесной связи с поэзией. Возникновение данного феномена исследователи традиционно связывают с именами А. Пушкина и М. Лермонтова. Переломный момент или расцвет «прозы поэта» в русской литературе относится к периоду Серебряного века (А. Белый, А. Блок, М. Цветаева и др.). Анализируя стиховое начало в прозе, Ю. Орлицкий отмечает: «Русская

проза XX века развивается под несомненным влиянием стиха, причем стиховое начало постоянно вторгается в прозу, деформируя ее структуру на разных уровнях» [7: 36]. При анализе «прозы поэта» важно понять: взаимосвязаны ли проза и поэзия в творчестве одного автора или они представляют собой разнонаправленные понятия. Так, можно уверенно говорить о том, что существует неразрывная связь между историческими романами и поэзией Б. Окуджавы.

«Свидание с Бонапартом» (1983) – последний исторический роман Б. Окуджавы, который можно считать итогом его творческих исканий. Время работы над произведением С. Бойко определяет как «период скепсиса» в творчестве писателя, при этом отмечая, что он «ознаменовался разочарованием в человеке, его возможностях, его роли в мире и в обществе» [2: 28]. Исторический роман в эпоху застоя развивается особенно активно, становясь своеобразной трибуной, с которой автор мог говорить о своем времени. В этом случае исторические произведения являются не столько отражением прошлого, сколько авторского настоящего.

Действие «Свидания с Бонапартом» разворачивается в период с 1812 по 1826 год. Ретроспективно упоминаются сражение под Аустерлицем (1805), Итальянский поход А. Суворова (1799), Великая французская революция (1789–1794). Позднее творчество Б. Окуджавы связано

с осознанием цены «глотка свободы» в судьбе человека, неизменно заканчивающегося трагедией или ощущением пустоты. Нельзя не согласиться с В. Выдриной: «В связи с этим романы Окуджавы можно назвать центростремительными, ибо в них автор все пространство эпохи подчиняет раскрытию характеров, выяснению индивидуальных судеб» [3: 127]. Генерал-майор Опочинин, желавший «облагородить искаженный лик истории», устроив торжественный обед, в ходе которого он должен был убить Наполеона, погибает от пули французского драгуна. Французская «певичка» Луиза Бигар, оказавшаяся в центре горящей Москвы, в итоге против своей воли должна покинуть Россию. Идеи Тимоши Игнатьева, племянника Опочинина, увлеченного декабризмом как воплощением духа свободы и равенства, в конце романа трактуются как «смерть и разрушение». Важно учесть, что подобные настроения присутствуют и в поздних стихотворениях Б. Окуджавы, созданных одновременно с романом: «Да здравствует Великий Понедельник!..» (1977), «Примета» (1983), «Дерзость, или Разговор перед боем» (1984) и др. В произведении 1982 года «Я выселен с Арбата, арбатский эмигрант...» появляется образ розы, который для поэта символизирует творчество и надежду. Однако в конце стихотворения делается горький вывод:

Я эмигрант с Арбата. Живу, свой крест неся...
Заледенела роза и облетела вся (392)¹.

Исторические романы в творческом сознании Б. Окуджавы во многом являются продолжением тем и мотивов его лирических стихотворений и песен. Строки из романа «Свидание с Бонапартом»: «Когда же в руках барабанщика рассыпаются кленовые палочки» (1: 280)² заведомо отсылают к стихотворению 1957 года «Веселый барабанщик»: «Ты увидишь, ты увидишь // как веселый барабанщик // в руки палочки кленовые берет» (138). Большая часть музыкальных инструментов, перечисленных Опочининым, представлена в известном стихотворении «Песенка о ночной Москве» (1963). Но если в поэтическом произведении труба, кларнет, фагот, барабан, флейта составляют «надежды маленький оркестрик // под управлением любви» (245), то в ро-

мане делается неутешительный вывод: «ослепительные надежды превращаются в фарс» (1: 283), в этих словах чувствуется некое разочарование, свойственное позднему периоду творчества автора. С помощью музыкальных метафор передается душевный мир человека, его «боль», «восхищение», «ужас и гордость по случаю пребывания <...> в доме гениев войны» (1: 279). Чувства и эмоции героя уподобляются музыкальным звукам, обладающим разнообразным набором выразительных средств. Например, литавры своим торжественным звучанием наводят Опочинина на размышления о смысле жизни:

Мы медленно живем и незаметно, покуда не накапливается в нас постепенно сухой, огнеопасный порох прожитых дней, чтобы внезапно всплеснуться синим пламенем и грянуть и возвестить, что вот оно, наконец свершилось то, ради чего все и накапливалось (1: 281).

Появление ритма в прозаической речи, непривычных для романного жанра интонационно выделенных фраз и целых абзацев становится вполне объяснимым при анализе исторической «прозы поэта». Принципиально важным в этом отношении является подход к определению силлабо-тонического метра в прозе, предложенный Ю. Орлицким: «Метром в прозе называется фрагмент текста, не противоречащий его трактовке как аналога строки или группы строк силлабо-тонического стихотворного текста» [7: 48].

В «Свидании с Бонапартом» «случайные» метры неоднократно повторяются без стихотворной графики. При этом звуковая организация фрагмента отражает особое лирическое восприятие Опочининым окружающего:

Хотелось хоть краем глаза увидеть тебя, Варвара, жесткие черты твоего лица и догадаться, каким он был, твой гений злой, покуда пеплом и золой меня, как снегом, заносило, покуда смерть нас всех косила... Еще не очень старый зверь с деревянной лапой плакал в сиреновой тени – все было в прошлом (1: 348).

За пределами романа размышления оживают «под батальонный барабан» уже в отдельном произведении «Из стихов генерала Опочинина 1812 года» (1989). Можно сравнить метризованный фрагмент из романа и отрывок из стихотворения:

«Свидание с Бонапартом» (1983)	«Из стихов генерала Опочинина 1812 года» (1989)
«Ах, Аустерлиц, Аустерлиц! И юношеские года, и лет военных череда – все представляется мне вздором, но лед Зачанского пруда – во сне иль наяву – всегда перед моим потухшим взором...» (1: 290).	И юношеские года, и лет покойных череда – всё кажется минутным вздором. Лишь лед Зачанского пруда (во сне иль наяву) всегда перед его потухшим взором (445).

Б. Окуджава предлагает читателю своеобразную игру, широко используя цитаты в своем романе, при этом автор старается растворить

«чужое» слово в тексте произведения: «Любимец барышень уездных, огнем сраженья опален, им сгоряча казался он явившимся из сфер

межзвездных...» (1: 296). Данный отрывок явно отсылает читателя к пушкинскому «Евгению Онегину». Часто Тимоша говорит Опочинину – «Скажи-ка, дядя», так писатель обращается к эрудиции своего читателя, предлагая ему вспомнить произведение М. Лермонтова «Бородино».

В «Свидании с Бонапартом» форма дневника позволяет выдвинуть на первый план субъективные переживания и размышления героев (Опочинин, Бигар, Волкова), а также становится единственным звеном, рассказывающим читателю о событиях Отечественной войны 1812 года: пожар Москвы (1812 год), партизанское движение, ополчение. При композиционном разграничении образов героев-рассказчиков читатель понимает, что границы явно размыты, так как стилистика всех дневников весьма однородна, в читательском ощущении они могут звучать как тексты, созданные одним автором.

К наиболее типичным признакам «прозы поэта», обнаруживаемым в романе, принадлежит особое взаимодействие автора и героя. Р. Якобсон обратил внимание на то, что «лирический импульс <...> задается “я” (“мною”) поэта <...> лирический герой пронизывает все измерения бытия, и все эти измерения должны совместиться в герое» [9: 328]. Именно поэтому в историческом романе, написанном поэтом, доминирующее звучание имеет голос лирического субъекта, являющегося своего рода концентрацией эстетических позиций автора. В итоге на протяжении повествования автор и герой многократно меняются местами. В одном из интервью Б. Окуджава заметил:

У меня есть такая склонность – перевоплощаться, она мне очень нравится. Поэтому все герои моих произведений – это я сам. И женщины, и мужчины, и дурные и хорошие. Но я никогда не писал исторических романов, как пособий по изучению истории, я писал о себе на историческом материале, вот и все. И в прозе, и в стихах я просто стремился выразить себя. Именно поэтому мой лирический герой все время один и тот же. А если он менялся, то только потому, что менялся я³.

Опочинин наиболее близок к лирическому герою писателя, даже возраст героя и автора на момент начала работы над произведением примерно совпадает: «Мне пятьдесят пять. Шутка ли?» (1: 267). В. Маркович, говоря о характерных признаках автобиографического взаимоотношения героя и автора, пишет о том, что «автор здесь предельно близок к герою» [5: 159]. Показательно, что в романе только «заметки из собственной жизни» Опочинина содержат в себе метризованные фрагменты. Именно на страницах дневника этого героя, представляющего приготовление торжественного обеда, в ходе которого он собирается убить Наполеона, писатель размышляет о музыке, смысле жизни, истории: «Все завершается: империи гибнут, благородные порывы

угасают <...> от царей остаются гробницы, победителя ждет возмездие» (1: 283).

В романе Б. Окуджавы можно наблюдать структурную децентрализацию лирического «я», которая представляет собой воплощение единого мировидения в последовательно развивающихся различных, но равноправных повествовательных инстанциях. А. Карстен справедливо отмечает: «Лирический принцип постижения мира реализуется в преобладании стиля над сюжетом, в доминировании не прямых форм авторского присутствия в тексте» [4: 73].

В размышлениях всех героев звучит тоска и безысходность, будь то Опочинин со своей верой в идеалы, которые «превращаются в фарс» (1: 283), будь то Луиза Бигар, разочаровавшаяся в справедливости людей вообще: «Я ехала по Москве, и слезы катились по моим щекам, и, плача среди этого смрада и пепла, среди развалин, несправедливости и тихого ликования, я поняла, что уже ничего воротить невозможно» (1: 418), будь то Варвара Волкова – «атаманша в овчине, с потускневшей короной на голове», возглавившая партизанское движение, описывает снежную сцену:

...на которую бесшумно валятся один за другим все, все, где убийц убивают и их убийц убивают тоже, а за ними уже спешат новые... И тот, кто крутит это колесо, ввергает их в преступления, связывает их по рукам и ногам, и у них уже нет сил отрешиться... Каков соблазн! (1: 451).

Идеалы Тимоши Игнатъева – «справедливость и милосердие» – кажутся автору наивными:

Тимоша тоже когда-то тараторил о равных правах, а нынче его волнует справедливость, справедливость и милосердие, против чего возразить трудно, хотя при слове «милосердие» всякий раз вспоминается мне губинский пожар и их зверские лица (1: 445).

Становится очевидным, что существование различных персонифицированных, фрагментарных «я» не разрушает цельность и единство рефлектирующего лирического сознания. Герой-рассказчик в романе Б. Окуджавы оказывается своеобразной призмой, сквозь которую писатель предлагает смотреть на исторические события.

Спецификой романа «Свидание с Бонапартом» является лирическая стилизация. Это не только введение в прозаический текст поэтических элементов, аллюзий и реминисценций, но и преломление фактов истории в сознании лирического героя, носителя главных мировоззренческих концепций автора. В значительной степени постоянная иллюзия стихотворности, накладываемая на романский текст, а также лирическое отношение автора-поэта к исторической эпохе создают уникальность, неповторимость стиля Б. Окуджавы, его творческой манеры в прозе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Окуджава Б. Ш. Стихотворения / Прим. В. Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 2001. 712 с. В тексте в круглых скобках указаны страницы.
- ² Окуджава Б. Ш. Свидание с Бонапартом // Избранные сочинения: В 2 т. М.: Современник, 1989. Т. 1. С. 265–527. В тексте в круглых скобках указан том и через двоеточие страницы.
- ³ Окуджава Б. «Я – грустный оптимист...» (Неизвестное интервью Булата Окуджавы. Творческий вечер в Томске) // Новый Берег. 2004. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/bereg/2004/6/ok11.html> (дата обращения 15.08.2017).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белая Г. Булат Окуджава, время и мы // Окуджава Б. Избранные произведения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 3–24.
2. Бойко С. С. Творческая эволюция Булата Окуджавы и литературный процесс второй половины XX в.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 38 с.
3. Выдрин В. В. Проблема историзма и исторического романа в творческом сознании А. Пушкина и Б. Окуджавы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (118). С. 125–131.
4. Карстен А. В. Семантическое наполнение мотива крови в романе Б. Окуджавы «Свидание с Бонапартом» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2011. № 1. Т. 11. С. 73–76.
5. Маркович В. М. Автор и герой в романах Лермонтова и Пастернака («Герой нашего времени» – «Доктор Живаго») // Автор и текст. Петербургский сборник. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 150–178.
6. Пискунова С., Пискунов В. Трагическая пастораль // Нева. 1984. № 10. С. 161–166.
7. Орлицкий Ю. Стихи и проза в русской литературе. М.: РГГУ, 2002. 685 с.
8. Оскоцкий В. Д. История глазами писателя: традиции и новаторство советского исторического романа. М.: Знание, 1980. С. 33–35.
9. Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

Matyushkina E. N., St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation)

**“HISTORICAL FANTASIES” OF THE POET:
B. OKUDJAVA’S NOVEL “RENDEZVOUS WITH BONAPARTE”**

The article discusses the work by B. Okudzhava “Rendezvous with Bonaparte” as an example of historical “prose of the poet”. The novel is characterized by the presence of metered and rhymed fragments: the introduction of poetical beginning, vivid subjectivity, and emotionality of the narrative. Okudzhava’s historical “prose of the poet” is specified by the lyrical styling, which is determined by the presence of the author’s poems and songs, inner textual inclusions, and the presence of the lyrical subject – the bearer of the basic philosophical concepts. The diaries of the story’s characters represent an internal monologue or a confession of the key narrators. The diaries reveal the key creative themes of the writer. Okudzhava is not interested in the historical fact itself, but in the effect the event produces on the consciousness of the individual. The past in the novel is invariably projected onto the modern reality of the writer; as a result, the harmony of distant epochs becomes more apparent. The structure of the diary provided Okudzhava with the opportunity to refer to the topic “A ray of sunshine” (a sip of freedom). The author developed this theme in his latest historical novel “Rendezvous with Bonaparte” in a manner quite different from his previous experience. The author of the article assumes that the context of the given work analysis is appropriate for the discussion of the price of freedom in the life of an accidental bystander, who became an eyewitness of the pivotal events of the Russian history.

Key words: B. Okudzhava, historical novel, “prose of the poet”, the lyricism, a lyrical subject

REFERENCES

1. Belaya G. Bulat Okudzhava, we and the time. *Okudzhava B. Selected works*. Moscow, 1989. Vol. 1. P. 3–24. (In Russ.).
2. Bojko S. S. Creative evolution of Bulat Okudzhava and the literary process of the second half of the XX century. Abstr. Doct. diss. (Philol.). Moscow, 2011. 38 p. (In Russ.).
3. Vydrina V. V. The problem of historicism and a historical novel in the creative minds of Pushkin and Okudzhava. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2012. No 3 (118). P. 125–131 (In Russ.).
4. Karsten A. V. Semantics of the motif of blood in B. Okudzhava’s novel «Rendezvous with Bonaparte». *Izvestiya of Saratov University*. 2011. No 1. Vol. 11. P. 73–76. (In Russ.).
5. Markovich V. M. The author and the hero in the novels of Lermontov and Pasternak (“The Hero of Our Time” – “Doctor Zhivago”). *The author and the text*. Issue 2. St. Petersburg, 1996. P. 150–178. (In Russ.).
6. Piskunova S., Piskunov V. The tragic pastoral. *Neva*. 1984. No 10. P. 161–166. (In Russ.).
7. Orlicskij Y. U. Poetry and prose in Russian literature. Moscow, 2002. 685 p. (In Russ.).
8. Oskotskij V. D. History through the eyes of a writer: tradition and innovation the Soviet historical novel. Moscow, 1980. P. 33–35. (In Russ.).
9. Jakobson R. Works on poetics. Moscow, 1987. 464 p. (In Russ.).

Поступила в редакцию 17.10.2017